

ISSN 0321-0626

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

"...ИСТОРИЯ
ПРЕДКОВ
ВСЕГДА
ЛЮБОПЫТНА
ДЛЯ ТОГО,
КТО ДОСТОИН
ИМЕТЬ
ОТЕЧЕСТВО".
Н. М. Карамзин

Денежные
капиталы в
русской армии

«Работу по
разоблачению
признать
недостаточной...»

Военное
образование
в России

Награды
Отечества

● Поединок
на Куликовом поле
Фрагмент картины
художника М.АВИЛОВА

5 1998
СЕНТЯБРЬ – ОКТЯБРЬ

«...мне не с чем из покоренного

В "Военно-историческом журнале" № 1 за 1998 год помещена публикация подполковника С.Б. Павленко "Последний оплот власти эмира... взят штурмом". В одном из приводимых документов - "Обзоре военных событий в Туркестанской области с января по апрель 1866 года" рассказывается о решительных действиях сравнительно небольшого отряда русских войск под командованием генерала М.Г. Черняева. О героизме воинов отряда при занятии Чимкента, Ташкента, Ходжента в 1864 - 1866 гг. восторженно пишет А.А. Керсновский в своей "Истории русской армии". Между тем о самом Черняеве, к сожалению, ни научных, ни публицистических работ не встречал, нет упоминания о нем даже в "Военном энциклопедическом словаре". Не мог бы ваш журнал восполнить этот пробел?

Капитан В.В. ПАВЛОВ
(Москва)

М.Г. Черняев
в начале службы
в Туркестанском
военном округе
50-е годы XIX в.

**4 августа сего года исполнилось 100 лет
со дня смерти генерала М.Г. Черняева.
Посвященная ему статья написана в основном
на неизвестных массовому читателю источниках.**

МИХАИЛ Григорьевич Черняев родился в семье отставного подполковника Григория Черняева 22 октября 1827 года¹.

Его род был известен еще во времена царя Алексея Михайловича, дворянский титул был пожалован деду Михаила - надворному советнику Никите Черняеву императрицей Екатериной II за усердную службу. Никита и приобрел в 1784 году имение Тубышки Могилевской губернии, ставшее родовым гнездом Черняевых.

Отец Михаила Григорьевича участвовал в Отечественной войне 1812 года и Заграничных походах русской армии 1813 - 1814 гг. В предместье Парижа в 1814 году он и встретил свою будущую жену Шарлотту - дочь мэра города Лекенуа.

По устоявшейся традиции в 12 лет Михаила записали в Дворянский полк, одновременно он поступил в кадетский корпус. К учебе молодой дворянин относился с большим усердием, за блестящее окончание кадетского корпуса его фамилия была занесена на Доску почета этого учебного заведения.

Прослужив после окончания кадетского корпуса несколько лет в гвардейском Павловском полку, Черняев поступил в Императорскую военную академию. Вместе с ним здесь учился Н.П. Игнатьев², а будущий военный министр Д.А. Милютин читал курс военной географии.

В начале Крымской войны Михаил Григорьевич был отправлен в Дунайскую армию, в отряд, которым коман-

было выехать мною края...»

додал генерал К.П. Липранди. После одного из кровопролитных сражений с турками штабс-капитану Черняеву как старшему из оставшихся в живых офицеров было поручено составить донесение о бое. Прочитав его, император Николай I собственноручно написал на полях: "Заметить этого молодого офицера!"³.

Осенью 1854 года Черняев был переведен в Крым. Он участвовал в Инкерманском сражении, а в период обороны Севастополя защищал Малахов курган. При оставлении города русскими войсками ему поручили обеспечить безопасный отход защищавших Севастополь частей. Он успешно справился с этой задачей и буквально последним на лодке переплыл Северную бухту. За участие в Крымской войне Черняев был награжден орденами и медалями, а также золотым оружием с надписью "За храбрость".

В 1858 году Черняев получил назначение в Оренбург. Здесь в то время проходила южная граница России, подвергавшаяся непрерывным набегам кочевых племен. Они грабили русские поселения и уводили их жителей в полон, несмотря на то, что одним из главных обязательств казахских ханов Малого и Среднего Жузов, принятых со своими народами в состав Российского государства по их инициативе во второй четверти XVIII века, была охрана русских границ. Однако вскоре это обязательство казахи забыли, обещания не нападать на русские поселения тоже не выполнялись. Захваченные в Приуралье русские рабы в большом количестве продавались на рынках Хивы, Бухары, Коканда.

Русское правительство периодически предпринимало усилия для вызволения российских подданных из рабства. С конца XVIII века эта задача наряду с другими ставилась практически каждой дипломатической миссии, отправлявшейся в среднеазиатские ханства, выделялись специальные средства из государственной казны. Так, в царствование Николая I для выкупа россиян ежегодно отпускалось 3000 руб⁴. Однако этой суммы не могло хватить на всех, если учесть, что на невольничьих рынках Хивы, например, цена на русского раба составляла от 400 до 1000 руб. серебром⁵.

Оренбургские власти всеми возможными средствами укрепляли границу. Для перехвата банд кочевников в казахские степи высылались подвижные отряды, на караванных путях строились крепости. К 1858 году русские укрепления продвинулись далеко вглубь Казахстана. Они появились на северо-восточном побережье Аральского моря, в долине реки Сыр-Дарьи. Сюда и был направлен Михаил Григорьевич Черняев для дальнейшего прохождения службы.

Около двух лет провел он на Сыр-Дарьинской линии военных постов. В свободное время основательно изучал русскую и иностранную литературу о Средней Азии, участвовал в различных экспедициях и рекогносцировках. Одна из них была совершена в первых числах 1858 года на судах Аральской флотилии, которой командовал капитан 1 ранга А.И. Бутаков.

В задачу экспедиции входило исследование устья реки Аму-Дарьи, а также перспектив торговли с местным населением. Во время экспедиции Михаил Григорьевич вел дневник, в который пунктуально записывал впечатления об увиденном.

Дальнейшей службе офицера на Сыр-Дарьинской линии помешали события, в которых проявилась, пожалуй, одна из главных черт характера Черняева - нетерпимость к несправедливости.

Суть происшедшего состояла в следующем. Летом 1859 года казах, некто Досчан (Дошан), ранее заочно осужденный российскими властями, несмотря на недоказанность его вины, переселился в Кокандское ханство. Там он был принят на военную службу и получил поручение захватить кого-либо из русских. По чистой случайности плененным оказался магистр зоологии Н.А. Северцов⁶, который, увлекшись орнитологическими и ботаническими исследованиями, далеко отъехал от сопровождавшего его отряда. Через месяц под давлением оренбургских властей Дошан возвратил пленника. Узнав о том, что оренбургский генерал-губернатор А.А. Катенин объявил населению казахской степи о помиловании всех местных жителей, ранее как-либо провинившихся перед российскими властями, Дошан со своей многочисленной семьей воз-

вратился в форт Перовский (Ак-Мечеть). Здесь подчиненный Катенина - начальник Сыр-Дарьинской линии генерал-майор А.Л. Данзас вопреки обещанию генерал-губернатора арестовал Досчана и распорядился повесить его. Акция возмутила многих, но лишь Черняев счел своим долгом написать письмо Данзасу, в котором выразил свое негодование в отношении поступка сыр-дарьинского начальника. Уязвленный, генерал Данзас отослал Черняева обратно в Оренбург.

Достаточно спокойная служба в губернском городе не устроила Михаила Григорьевича. Он просил военного министра о новом назначении и получил направление на Кавказ. Здесь познакомился и сблизился с генерал-фельдмаршалом князем А.И. Барятинским и известным публицистом генералом Р.А. Фадеевым, участвовал в военных действиях против горцев.

В начале 60-х годов XIX века в России, как известно, происходили глубокие перемены. Реформы были во многом направлены на укрепление Российского государства, и за этим процессом с тревогой следили европейские державы. Вскоре нашелся повод для давления на Россию. Антирусские выступления в Царстве Польском в 1861 и 1863 гг. стали причиной острого европейского кризиса. Правительства Англии и Франции вновь угрожали Санкт-Петербургу войной.

Внешнеполитическая обстановка побудила военно-политическое руководство страны принять ответные меры. Учитывая, что в надвигающейся войне России на европейском ТВД должна была противостоять коалиция государств во главе с Англией, недавно назначенный военный министр Д.А. Милютин был занят поиском способов ослабления главного противника России. Одним из них мог стать военный удар по английским владениям в Индии через территорию Средней Азии.

Для разработки плана операции в Санкт-Петербург был вызван начальник штаба Оренбургского военного округа генерал-лейтенант Н.Г. Залесов, который вскоре составил записку о путях, ведущих из Оренбурга в среднеазиатский регион. Позднее Залесов вспоминал, как Д.А. Милютин в разговоре с ним обрисовал цели готовившейся военной экспедиции: "Вам, конечно, известно, как натянуты теперь наши отношения с западными державами. В случае войны мы ничем не можем вредить Англии в Европе - остается одна Азия. Вы знаете эту

**Генерал-лейтенант
Н.А.Крыжановский**
60-е годы XIX в.

**Генерал-лейтенант
К.П. фон Кауфман**
60-е годы XIX в.

страну и потому поможете нам в случае надобности устроить туда экспедицию, если не для вторжения в Индию, то, по крайней мере, для отвлечения сил англичан из Европы и нанесения их торговым интересам возможно большего вреда"⁷.

Сейчас трудно выяснить, кто рекомендовал Милютину использовать в этом деле М.Г. Черняева (возможно, тот же Залесов), но как бы то ни было в сентябре 1863 года он получил приказ срочно прибыть в столицу. Здесь Михаил Григорьевич узнал, что ему поручается разработка подробного плана продвижения в Индию.

"Целью движения, - писал Черняев князю Барятинскому в 1867 году, - предполагалось не занятие какой-либо части английских владений, тем менее изгнание англичан из Индии..."⁸. По мысли автора письма, индийский поход должен был ослабить силы англичан в Европе; вместе с тем он имел в виду, что отправка дополнительных британских войск на азиатский театр потребовала бы весьма значительных расходов и повлекла бы за собой увеличение налогов, а вслед за этим и восстановление общественного мнения Великобритании против политики своего правительства. В конечном счете это должно было бы привести и к известному пересмотру курса Лондона в отношении России.

По плану, разработанному Черняевым, удар по английским владениям в Индии предполагалось нанести с трех направлений:

главные силы (15 - 20 тыс. человек), выдвигаясь с Кавказа вдоль Каспийского моря и далее на восток и юго-восток, совместно с иранской армией должны были войти в Афганистан, занять Кабул и Кандагар и подготовиться к движению в Индию;

10 тыс. человек, собранных из крупных гарнизонов Западной Сибири, двигаясь на юг, через Кашгар и Яркенд, направлялись к Кашмиру, в

дальнейшем они бы способствовали переправе главных сил через реку Инд;

5000 человек на судах общества "Кавказ и Меркурий" должны были направиться в Красноводский залив Каспия, оттуда достичь устья Аму-Дарьи и вверх по течению доплыть до Балха, а дальше действовать по обстановке.

Было подсчитано, что общие расходы на экспедицию составили бы порядка 30 млн рублей, что, по мнению автора плана, должно было вынудить Англию для организации ответных действий выложить сумму в десять раз большую⁹.

Ознакомившись с планом Черняева, правительство сочло его преждевременным, но с тех пор мысль о Средней Азии как операционной базе на случай войны с Англией была твердо усвоена российскими политиками.

Другой причиной военного характера, по которой началось активное продвижение России в Среднюю Азию, явилось стремление установить границу на юге путем соединения Оренбургской и Западно-Сибирской линий военных постов. Необходимо было замкнуть здесь цепь военных поселений, поскольку через промежутки в них на территорию России проникали воинственные кочевые племена, приносившие много бед и страданий жителям приграничных территорий.

Решение о соединении Оренбургской и Западно-Сибирской пограничных линий было принято еще в 1854 году, но его осуществлению помешала начавшаяся Крымская война. Только в феврале 1863 года на заседании Особого комитета было решено приступить к выполнению этой задачи. Для начала ограничались рекогносцировками долины реки Сыр-Дарья. Одна из них привела к неожиданным результатам. Отряд, которым командовал подполковник Черняев, назначенный осенью того же года начальником штаба Оренбургского военного округа, сдался без боя кокандский гарнизон крепости Сузак. Рекогносцировка Черняева показала возможность сравнительно бескровного присоединения этих территорий. Было решено разработать конкретный план сведения пограничных линий в одну. Будущую границу предполагалось провести через крепости Сузак и Аулие-Ата. Командовать отрядом, который действовал со стороны Западной Сибири, военный министр поручил Черняеву, которого оценивал в то время как "весьма способного и опытного штаб-офицера"¹⁰.

В течение 1864 - 1865 гг. отряд под его командованием овладел крепостью Аулие-Ата, городами Чимкент, Ниязбек, Ташкент.

Военные успехи русских в Средней Азии удивили всю Европу. О молодом русском генерал-майоре (этот чин Черняев получил в 1865 г.) с восторгом заговорили в Петербурге и других европейских столицах.

И вдруг как гром среди ясного неба прозвучала весть, что Черняева отзы-

вают со среднеазиатского театра военных действий. Сообщение это было встречено с большим недоумением в аристократических салонах столицы, с еще большим непониманием в войсках, покорявших Среднюю Азию.

За короткое время Михаил Григорьевич приобрел большую популярность и авторитет у подчиненных. Солдаты и офицеры просто боготворили своего командира. Участник походов по Средней Азии полковник Д.Н. Логотет писал: "М.Г. Черняев пользовался особой любовью своих войск, гордившихся начальником и постепенно приурочивших к участникам его походов славное название черняевцев, к которым причислялись люди испытанной храбрости, опытные в среднеазиатских войнах и знакомые с пустынями и степными походами"¹¹.

Что же послужило причиной отставки Черняева, тем более неожиданной, что еще 13 февраля 1865 года Александр II издал указ о назначении Михаила Григорьевича военным губернатором Туркестанской области? Свет на ее причины проливает направленная в Оренбург спустя 9 месяцев после указа об отзыве Черняева телеграмма Милютина, в которой говорилось: "Его Величество изволил признать невозможным дальнейшее оставление генерала Черняева в настоящей должности"¹².

Таким образом, становится ясным, что непосредственным организатором отстранения его от операций в Средней Азии выступил сам император. Дело в том, что правительство толком не знало, как ему поступить с новыми территориями Российского государства. С одной стороны, Военное министерство и Министерство иностранных дел выступали против расширения границ империи, а с другой - не расставались с мыслями о влиянии и интересах России в Средней Азии. Инструкции, которые посылались Черняеву, были весьма сумбурны и зачастую противоречили одна другой. Так, например, Милютин, публично осуждая Черняева за присоединение среднеазиатских городов, тем не менее 2 февраля 1865 года телеграфировал в Оренбург: "На вопрос Черняева о Ташкенте, передайте ему следующее высочайшее повеление: "Пока не получит достаточных подкреплений, ничего не предпринимать, но поддерживать сношения с жителями Ташкента и не лишать их надежды на помощь в свое время"¹³.

Огромные расстояния и отсутствие оперативной связи с Санкт-Петербургом в то время вынуждали молодого военачальника решать многие вопросы самостоятельно, и часто его самостоятельность в принятии решений раздражала петербургских сановников (в том числе Милютина), находивших действия туркестанского губернатора чересчур смелыми¹⁴. Сложная военно-политическая обстановка в регионе также толкала Черняева на неординарные действия. Англия через своих агентов насаждала среди сред-

неазиатских правителей антироссийские настроения, присылала деньги, оружие, военных инструкторов. Турецкие эмиссары в свою очередь склоняли властителей Бухары, Хивы и Коканда к газавату ("священной войне") против русских. Острые противоречия наблюдались между самими среднеазиатскими государствами, в частности, Бухара и Коканд пытались оспорить друг у друга Ташкент. Непрерывающиеся военные действия ежегодно уносили тысячи жизней мирных жителей, а экономическое и политическое устройство этих государств было по-прежнему близко к средневековому. Так, крупнейший ученый Бухары Ахмад Дониш по прозвищу Калла (голова) в трактате о бухарском эмире Сеид-Музаффар (1860 - 1885) писал, что тюрьмы эмира переполнены, а если заключенных набирается слишком много, то их выводят и режут как скот.

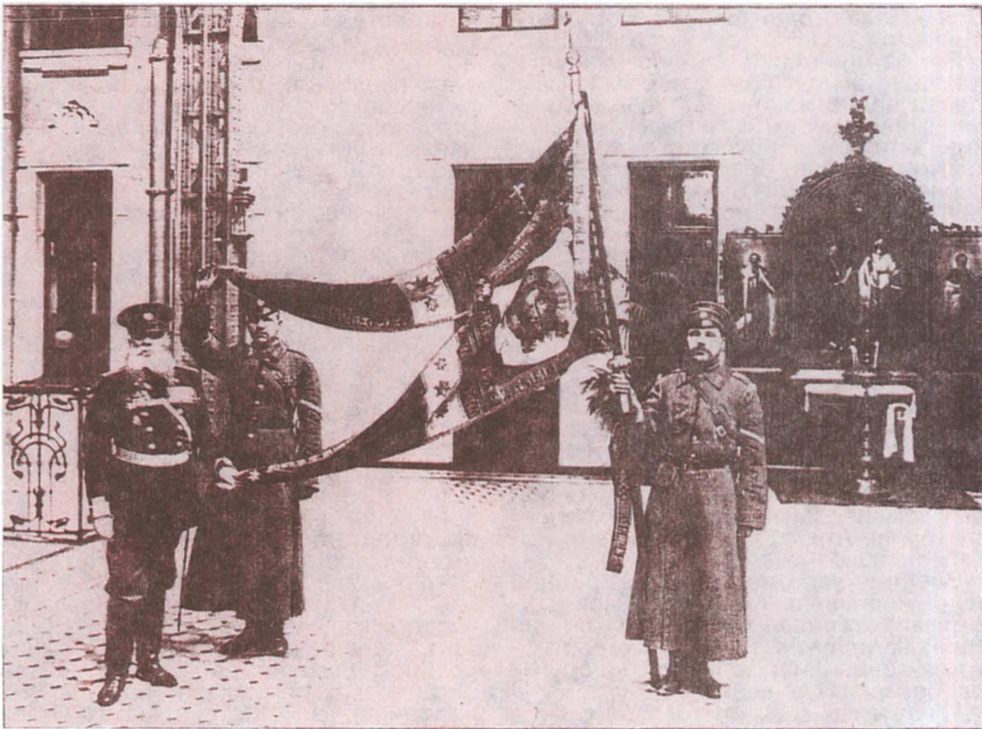
Черняев в среднеазиатских походах постоянно встречал большие группы населения, активно выражавшие признательность русским войскам. Так, 20 октября 1864 года Михаил Григорьевич представил западносибирскому генерал-губернатору список киргизов Дикокаменной и Большой Орды в количестве 34,5 тыс. юрт, ходатайствовавших о принятии их в российское подданство¹⁵. Многие влиятельные ташкентские купцы активно выступали за присоединение туркестанских земель к России, находя в этом политическом акте прямую выгоду для собственных, прежде всего, экономических интересов, и Черняев, чутко следивший за настроениями местного населения, не мог этого не учитывать.

Но с другой стороны, быстрые победы способствовали развитию самонадеянности у молодого генерала. Так, о первой неудавшейся попытке штурма Ташкента 3 - 4 октября 1864 года он в Санкт-Петербург не доложил, а прислал победную реляцию лишь после того, как в ночь с 14 на 15 июня 1865 года город был все-таки взят. Черняев решил на повторный штурм, по-видимому, не только с целью упреждения бухарского эмира, подходившего с войсками к городу, но и в силу сугубо личных побуждений. Он опасался, что слава присоединения Ташкента достанется оренбургскому генерал-губернатору Н.А. Крыжановскому, который в конце февраля 1865 года заявил Черняеву о своем желании посетить подведомственный ему Туркестанский край. Об этом свидетельствуют строки из письма Михаила Григорьевича своему другу В.А. Полторацкому: "Не могу умолчать... о неблагоприятном намерении приписать все мною сделанное новому генерал-губернатору, предоставив ему все средства для овладения Ташкентом. Если бы это сбылось, то что же осталось бы на мою долю?"¹⁶.

Борьба честолюбий привела к тому, что отношения между Крыжановским и

Знамя, врученное М.Г. Черняеву перед отъездом в Сербию на войну с турками Обществом московских хоругвеносцев (выполнено по образцу знамени, врученного Сергием Радонежским Дмитрию Донскому накануне Куликовской битвы)

Москва, 1876 г.

**М.Г. Черняев -
главнокомандующий
сербской армией**

Сербия, 1876 или 1877 г.

**М.Г. Черняев -
генерал-губернатор
Туркестана**

80-е годы XIX в.

Черняевым очень быстро приобрели конфронтационный характер, а дальнейшие события усилили личную неприязнь туркестанского и оренбургского начальников.

12 июля 1865 года Крыжановский получил несколько важных писем из Туркестана. Во-первых, в Оренбург поступил рапорт Черняева от 17 июня о взятии русскими войсками Ташкента. Во-вторых, вместе с этой депешей был прислан перевод двух писем эмира Бухары Сеид-Музафара с требованием к русским покинуть Ташкент, в противном случае эмир грозил объявить "священную войну" против русских. И в-третьих, в связи с отсутствием достоверной информации о силах и намерениях Бухары, а также из-за малочисленности русского отряда Черняев просил срочной помощи из Оренбурга, предлагая в качестве ответной меры на угрозы эмира задерживать бухарских купцов и их товары. По этому поводу Черняев писал: "В случае неисполнения настоящей просьбы влияние наше в Средней Азии может подчиниться бухарскому, и за безопасность края ручаться будет нельзя"¹⁷.

Крыжановский выполнил эту просьбу. Однако арест бухарских торговцев ударил и по интересам русских купцов. Дело в том, что они, как правило, не ездили со своими товарами в Среднюю Азию, а поручали их продажу посредникам-мусульманам. Задержанные в Оренбурге и Орске товары приходили в негодность, и российские купцы, естественно, терпели убытки.

Поэтому уже через неделю решение о задержании бухарских торговцев с товарами было отменено. Скандал, связанный с этим событием, получил широкую огласку в Петербурге. Решением оренбургских властей обеспокоилось Министерство финансов. Глубоко встревоженный происходящим

оренбургский генерал-губернатор лично отправился в Туркестан.

Прибыв на форт № 1 (Казалинск) на реке Сыр-Дарья, Крыжановский 3 сентября 1865 года направил в Петербург директору азиатского департамента МИДа П.Н. Стремоухову послание, в котором объяснил цель своей поездки в этот край стремлением "подтянуть поводья зарвавшимся начальникам в Ташкенте" и желанием направить их деятельность "на что-нибудь более разумное, чем расширение и без того широчайшей России"¹⁸. Впрочем, в этом же письме он заявлял, что в Средней Азии русские "должны быть одни господами", чтобы именно через них к народам

Туркестана проникала цивилизация (в июле 1881 г. Крыжановский будет смещен с должности и уволен в отставку, в том числе и за ошибки в национальной политике).

Прибыв в Ташкент, оренбургский генерал-губернатор при всем своем неспристрастном отношении к Черняеву все же нашел удовлетворительным положение войск. Солдаты в течение короткого времени построили здесь казармы, дома для офицеров, лазарет, помещения для хозяйственных служб. В городе поддерживался порядок. Богатые купцы Ташкента, встречая Крыжановского, подали ему прошение о принятии города в русское подданство. Однако вместо положительного ответа оренбургский губернатор издал прокламацию, в которой объявил... о создании независимого Ташкентского ханства.

Это решение вызвало недоумение местных жителей, находил его неуместным и Черняев. На вопрос Михаила Григорьевича, как в таком случае ему поступать, если среди жителей Ташкента начнутся волнения, сопровождавший Крыжановского генерал Д.И. Романовский ответил просто: "Стрелять картечью". Так будущий военный губернатор Туркестана (Романовский сменил Черняева на этом посту в марте 1866 г.) представлял себе один из главных способов управления краем.

Пробыв в Ташкенте около двух недель, Николай Андреевич поспешил обратно в Оренбург. Уезжая, он оставил Черняеву секретную инструкцию (№ 117 от 29 августа 1865 г.), в которой поручал ему вести переговоры с эмиром Сеид-Музафаром и учредить русское консульство в Бухаре (Крыжановский первоначально сам планировал встретиться с эмиром в Ташкенте, но бухарский правитель не считал нужным принять его приглашение).

Наделенный полномочиями Черняев в середине октября того же года отправил в Бухару посольство во главе с будущим астрономом надворным советником А.К. Струве и штабс-ротмистром А.Н. Глуховским.

Крыжановский же, вернувшись в Оренбург, стал буквально бомбардировать военного министра и министра иностранных дел посланиями с требованием снять Черняева с поста военного губернатора Туркестанской области, обвиняя его в самовольном ведении боевых действий с Кокандским ханством, в не предусмотренных сметой военных расходах и даже в растрате казенных денег.

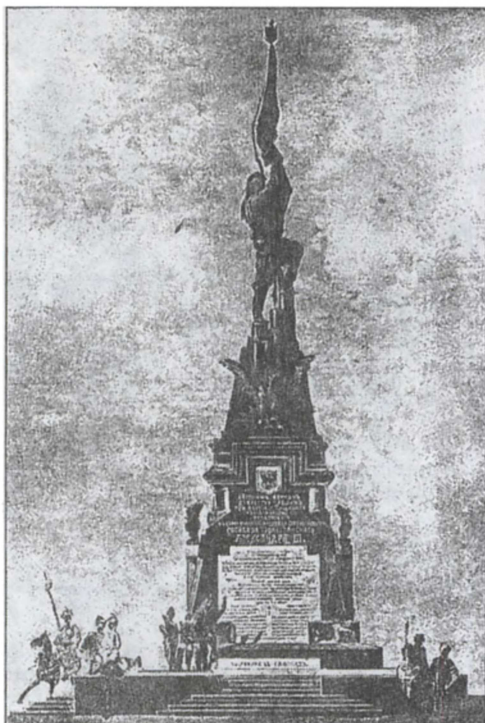
Невольным союзником Крыжановского выступил в этом деле эмир Бухары. Еще до отправления к нему посольства Струве и Глуховского Сеид-Музаффар, мечтавший с помощью русского оружия завладеть Ташкентом (город до взятия его Черняевым находился во власти кокандского хана), отправил личного посла к Александру II, чтобы просить российского императора отдать ему столь желанный город с окрестностями. 4 сентября посол встретился в Казалинске с Крыжановским, который направлялся в Ташкент к Черняеву. Николай Андреевич отправил представителя Сеид-Музаффара в Оренбург, а сам запросил у МИДа инструкцию в отношении его миссии. МИД, согласовав ответ с императором, разрешения на приезд посланца Бухары в Петербург не дал и наделил оренбургского генерал-губернатора правом самому вести переговоры с эмиром или с его посланником.

Возвратившись из поездки по Туркестанскому краю, 22 октября 1865 года Крыжановский объявил бухарскому послу волю императора Александра II. Весть о ней очень быстро долетела и до Сеид-Музаффара. Черняев же, отправивший во исполнение указаний Крыжановского посольство в Бухару, ничего не знал о сложившейся ситуации. Эмир со своей стороны немедленно арестовал посольство Струве и Глуховского и выдвинул ультиматум: прием бухарского представителя в Петербурге в обмен на жизни отправленных Черняевым посланников.

Губернатора Туркестанской области назвали главным виновником разразившегося скандала, поскольку Крыжановский скрыл факт передачи Михаилу Григорьевичу секретной инструкции № 117, и выходило, что посольство в Бухару последний отправил самовольно...

26 ноября 1865 года в Оренбург поступил указ о снятии Черняева с должности, но оренбургский генерал-губернатор, как ни странно, не спешил обнародовать его. Михаил Григорьевич был ему еще нужен, ибо одно его имя воодушевляло туркестанские войска...

Семь месяцев провело русское посольство в плену у бухарского эмира. Черняев попытался демонстрацией военной силы принудить Сеид-Музаффара освободить задержанных. Отряд

**Проект памятника
покорения Туркестана,
выполненный академиком
М.О. Микешиным
и утвержденный Александром III**

Начало 90-х годов XIX в.

под его командованием в начале февраля 1866 года переправился на левый берег Сыр-Дарьи и двинулся к городу Джизак. Эмир, узнав о движении русских войск, начал хитрить, ежедневно высылая навстречу Черняеву депутацию, уверявшую русского генерала, что пленники уже освобождены и направляются в Ташкент. Отряд Черняева взял Джизак, но все же, поверив эмиру, Михаил Григорьевич повернул на Ташкент...

Через месяц он сдал свои полномочия и был уволен в отставку с пенсией в 430 руб. в год. Созданная оренбургскими властями комиссия, расследовавшая финансовую сторону его деятельности, произвела на него денежный начет в размере 7163 руб.¹⁹. Половина этой суммы была уплачена Михаилом Григорьевичем на месте, так что выехал он из Ташкента буквально без рубля в кармане.

В 1876 году Черняев писал по этому поводу начальнику штаба Варшавского военного округа: "Я помню хорошо... что мне не с чем было выехать из покоренного мной края, что теперь, кроме выслуженной за 35 лет пенсии, у меня ничего не имеется. Эту-то пенсию я и могу предложить на погашение насчитанного на мне долга и затем сохранить себе в утешение не-

оспоримое право считать, что покорение к подножию русского престола обширного и богатого края сделано мною не только дешево, но отчасти и на собственный счет"²⁰.

Расследование его финансово-хозяйственной деятельности тянулось до 1878 года, и, в конце концов, не обнаружив больше никаких нарушений, Оренбургская контрольная палата с согласия верховной власти дело закрыла.

Откуда же взялись растраты и чем они были вызваны? Дело в том, что при Черняеве русские власти в Туркестане сполна расплачивались с местными жителями (и не векселями, а звонкой монетой!) за подвоз продовольствия и строительных материалов, снос домов и занятие земли под военные постройки. Решительно пресекались попытки некоторых командиров решать вопросы снабжения и обустройства за счет населения. Самостоятельно строили казармы и дома для офицерских семей, устраивали почтовое сообщение, отсюда и расходы.

Кстати, необходимо отметить, что Черняев был категорически против насильственной колонизации среднеазиатских территорий, считая необходимым учитывать социально-культурные особенности региона, и старался вмешиваться в жизнь коренного населения как можно меньше. За 9 месяцев пребывания в должности военного губернатора он приобрел огромную популярность, считая крайне важным сотрудничество с исламским духовенством и строгое соблюдение прав верующих.

В попытках насадить православие в казахских степях он видел бесплодную затею. При этом Михаил Григорьевич был глубоко верующим человеком, у себя на родине, в селе Ту-

бышки, на собственные деньги он впоследствии построил церковь и церковно-приходскую школу.

После снятия Черняева с должности российские чиновники взяли курс на быструю русификацию управления в Туркестане. У исламского духовенства отняли права разбирать судебные дела местного населения по Корану, не случайно в письме Александру II кази-калян (верховный глава шариатского суда) Ташкента ишан* Хаким-Ходжа жаловался, что новые власти "веру и закон наш совсем порушили" и просил восстановить права, существовавшие у мусульманского духовенства "при Черняеве"²¹.

Михаил Григорьевич ввел выборность городских старшин (аксакалов), а для обеспечения порядка учредил местную полицию. В походах его сопровождали отряды, созданные на добровольных началах из местных жителей. Так, в Зачуйском отряде Черняева было весьма многочисленное подразделение киргизской милиции²².

По инициативе Черняева в Среднюю Азию пришли прогрессивные изменения в системе управления обществом, жизни и быте людей. В местностях, которые занимали русские войска, отменялось рабство, взимание налогов приобретало упорядоченный характер, было покончено с наказаниями в виде отсечения частей тела, запрещено широко распространение здесь мужеложество. Внешний облик среднеазиатских городов стал приобретать европейские черты: начали строиться каменные здания, расширялись и мостились улицы, расчищались площади для садов и скверов.

Для развития Туркестанского края Черняев считал необходимым его всестороннее изучение, особенно обычаев и традиций²³. Он активно содействовал ученым экспедициям и научным изысканиям на этой территории. В

М.Г. Черняев (третий справа) наблюдает за стрельбами на петроградском полигоне 1897 г.

* Ишан - руководитель и духовный наставник мусульманской общины, принадлежащей к одному из мистических направлений (дервишскому, суфийскому и др.)

1870 году в России с успехом прошла первая Туркестанская выставка, инициатива организации которой также принадлежала первому губернатору этого края.

После отставки в 1866 году Михаил Григорьевич изучил нотариальное дело, сдал экзамены и, получив диплом, зарабатывал на жизнь, служа нотариусом. При этом он не переставал следить за событиями в Туркестане. Он неоднократно выступал в печати по проблемам региона, посылал свои предложения по совершенствованию управления краем правительственным чиновникам. В 1881 году на российский престол вступил император Александр III. Новое правительство серьезно озабочилось проблемой убыточности Туркестанского края. С 1868 по 1881 год дефицит госбюджета по Туркестану составил колоссальную по тем временам цифру - 85 413 206 руб.²⁴. Во многом он объяснялся отвечавшей интересам развития края политикой российских властей (больницы, школы, дороги, телеграф и т.д. - все это строилось на российские деньги), но вместе с тем администрация Туркестанского генерал-губернаторства во главе с К.П. фон Кауфманом чрезмерно раздула штат чиновников, среди них процветали коррупция и измождение. Поэтому после смерти Кауфмана Черняев в 1882 году был вторично направлен в Среднюю Азию. Главная цель его назначения, по мысли Александра III, заключалась в том, чтобы добиться такого положения, при котором среднеазиатская окраина "не была для России бременем, а служила ей на пользу"²⁵.

Прибыв в Туркестан, Михаил Григорьевич объехал обширный край и составил предложения, которые изложил в письме от 20 декабря 1882 года военному министру П.С. Ванновскому. Привизывая к реформе российского управления в Средней Азии, он писал: "Я видел всюду ясно неудовольствие народа и отсутствие доверия к русской власти и, в особенности, к суду. Мелочная опека администрации... выборное начало, сделавшееся открытою ареною купли и продажи мест, разнообразие в системе сборов податей - все это породило... хаос"²⁶. Предложения Черняева были в целом поддержаны официальными властями в центре. Они касались многих сфер: экономики, внешней политики, судопроизводства, административной системы. Но в главном Александр III остался непреклонным: ни за что не соглашался на отделение гражданского управления от военного²⁷.

При повторном назначении Черняев прибыл на посту Туркестанского генерал-губернатора всего 16 месяцев, но за это время успел многое. Так, за счет сокращения и преобразования организационно-штатной структуры войск Туркестанского военного округа он добился экономии в 450 тыс. руб. в год²⁸.

Михаил Григорьевич прилагал все силы, чтобы вернуть утерянное доверие местных жителей к русской влас-

ти, часто встречался с представителями духовенства, старейшинами, искал пути повышения урожайности почв в Туркестане. Например, при содействии Черняева возле Ходжента был прорыт оросительный канал, который позволил ввести в сельскохозяйственный оборот 35 тыс. десятин орошаемой земли.

Очередная отставка Черняева была вызвана несколькими причинами. Прежде всего Министерство иностранных дел, как и ранее, опасалось излишней активности генерала. Англичане подстрекали афганцев к провокациям на русско-бухарской границе, назревал очередной русско-английский конфликт, и в МИДе хотели видеть на посту генерал-губернатора Туркестана более осторожного человека. Кроме того, начатые Черняевым преобразования затронули личные интересы многих. Некоторые чиновники лишились доходных должностей, поскольку по отношению к фактам взяточничества и коррупции Михаил Григорьевич был бескомпромиссным.

В частности, он категорически выступил против назначения начальником штаба ТуркВО генерал-майора В.Н. Троцкого, бывшего военного губернатора Сыр-Дарьинской области, запятнавшего честь пристраиваем к денежным подношениям. По настоянию Черняева Троцкий уехал из Туркестана. И таких лиц было немало.

Прямодушие, нетерпимость к несправедливости генерал-майора Черняева ярко проявились в событиях сербско-черногорско-турецкой войны 1876 года. Михаил Григорьевич живо откликнулся на поступившее ему предложение Московского славянского комитета возглавить отряды русских добровольцев в Сербии. Как человек военный, он не мог не понимать, что на успех в военной кампании против турок сербам в одиночку трудно рассчитывать, ведь те не имели даже постоянной армии. С началом войны в сербское войско набрали около 120 тыс. человек, но подавляющее большинство солдат не имело никакого представления о военном деле²⁹.

Черняев не побоялся растерять славу, заслуженную в среднеазиатских баталиях, и 7 апреля 1876 года нелегально выехал в Сербию даже вопреки устному запрещению Александра II, переданному ему через шефа жандармов А.Л. Потапова.

Сербско-черногорско-турецкая война 1876 года, к сожалению, сильно поколебала представление о нерушимом братстве славян. Сербь, например, чрезвычайно ревниво относились к назначению на командные должности значительно более опытных русских офицеров. Раненых добровольцев из России братья-сербь тащили с поля боя... за плату (!), в течение всей войны русские часто голодали. 4 января 1877 года председатель Московского славянского комитета И.С. Аксаков в письме к Черняеву, оценивая итоги прошедшей войны, писал: "...вместо спасения Сербии ее чуть не погубили, треть территории в руках

неприятеля, истощение, разорение, посрамление вместо "братолюбия", чуть не "братоненавидение", ибо масса возвратившихся добровольцев разнесла по всей России такое презрение к сербам, что теперь большая часть пожертвований присылается с надписью: "Только не сербам!"³⁰.

Командующий Тимокско-Моравской армией (одной из четырех армий Сербии) генерал-лейтенант Черняев старался укрепить, как мог, дружеские отношения сербских воинов и пришедших им на помощь своих соотечественников и в то же время добивался подобающего уважения к добровольцам из России у сербских властей. Волонтеры же относились к своему командиру с большим уважением, один из батальонов его армии, состоявший полностью из русских, даже носил имя Черняева.

В России, однако, военные поражения сербов многие отнесли на счет генерала Черняева, и это было в высшей степени несправедливо, если учесть, что далеко не все находилось в его власти.

Известно, что, прибыв в Белград, Михаил Григорьевич вскоре составил общий план ведения войны с турками. Тщательно изучив соотношение сил и состояние сербской армии, он предложил на первом этапе вести оборонительные действия.

Однако сербские генералы, чересчур уверенные в собственных силах и излишне воодушевленные своими политиками, не приняли его рекомендации, решившись сразу перейти в наступление. Сербское войско разделили на 4 армии, командование одной из них поручили Черняеву. В итоге во всех сражениях с сербами турки имели значительный перевес в силах. Так, в бою под Дюнишем у турок было 104 тыс. человек при 250 орудиях, а у Черняева только 28 тыс. человек при 120 орудиях³¹.

В сербских армиях по-настоящему

боеспособными оказались лишь те батальоны, в которых большинство составляли русские. Сербь, в целом мужественные и храбрые люди, еще только встали в строй и успели постичь лишь азы воинской выучки. Кроме того, один офицер в сербском войске приходился на 1000 человек, что затрудняло управление подразделениями и их обучение. Турецкие же войска были хорошо обучены и технически достаточно оснащены, в чем впоследствии в полной мере убедились русские офицеры и солдаты во время войны 1877 - 1878 гг.

Турки вели войну против Сербии и Черногории крайне бесчеловечно. Они сжигали дотла все населенные пункты и уничтожали всех захваченных жителей, поэтому армия Черняева, в том числе и выполнявшая требования сербских властей, защищала каждую деревню, каждое село. Это практически лишало русского военачальника возможности маневра силами и средствами.

Вместе с тем против Черняева и других русских командиров вел постоянные интриги сербский генералитет. В них, несмотря на всю самоотверженность, видели подозрительных иностранцев, обвиняли в трусости и нерешительности.

...Император Александр II не простил Черняеву самовольный отъезд в Сербию, да и недоброжелатели его, близко стоявшие к трону (Д.А. Милютин, А.М. Горчаков), убедили государя не предоставлять тому места в действующей армии. Он вновь рвался на Балканы, но его направили на относительно спокойный Кавказ, а вскоре в очередной раз вообще отстранили от дел. Великий князь Николай Николаевич - главнокомандующий Дунайской армией - готов был предложить ему должность начальника своего штаба, но ожидал на то согласия своего королевича, которого, увы, так и не последовало...

Не получив должности в воюющей

**Храм в селе
Тубышки
на могиле
М.Г. Черняева**

Фото начала XX в.

армии, генерал-лейтенант Черняев все же представил русскому командованию свои предложения по ведению кампании против турок. Опираясь на собственный боевой опыт, он указал на недостаточность тех сил, с которыми предполагалось вести войну с Турцией. К его мнению, несмотря на опалу, прислушались.

Многие пророчества Михаила Григорьевича сбылись. Он был прав, когда писал, что противниками России в грядущей большой европейской войне выступят Германия и Австро-Венгрия, что союзником России станет Франция, а Англия до самого последнего момента будет колебаться. Был прав, когда утверждал, что Россию ждут страшные потрясения, ибо запоздалые реформы Александра II всколыхнули общество, но не привели к существенному улучшению жизни народа...

В 1873 - 1878 гг. (с перерывом) Черняев издавал в Санкт-Петербурге газету "Русский мир", у него также были предложения по преобразованию газеты Военного министерства "Русский инвалид". Милютин заинтересовался планами Черняева, но редактировать газету поручил все же другому.

В последние годы жизни Михаил Григорьевич выступал в печати редко, но все его мысли были обращены к русской армии, ее состоянию и положению. "Не думайте, - писал Черняев, - что я проповедую войну как средство к прогрессу, нет, я далек от этой мысли, но полагаю, что война, хотя и есть неизбежное зло, но ведет за собою благие последствия, и что оружие войны, войско, основанное на высшем чувстве самоотвержения, имеет такое же неоспоримое право на всеобщее уважение, как и остальные сословия"³².

Умер генерал-лейтенант Черняев 4 августа 1898 года. Он похоронен в селе Тубышки Могилевской губернии, в своем родовом имении.

Девизом яркой жизни Черняева, полной героических дел и самоотверженной повседневной работы на благо государства и общества, могли бы стать слова из одной его статьи: "Предводительствовать издали нельзя!"³³.

и нравов туземцев в общедоступном изложении. СПб, 1902. С. 24.

⁵ РГВИА, ф. 1393, оп. 1, д. 16, л. 1 - 28.

⁶ **Северцов Николай Алексеевич** (1827 - 1885) - русский зоогеограф и путешественник. В 1857 - 1859 гг. исследовал центральную часть Тянь-Шаня, пустыню Кызылкум, собрал обширный материал по флоре и фауне Памира.

⁷ **Залесов Н.Г.** Записки Н.Г. Залесова // Русская старина. 1903. № 7 - 9. С. 322 - 323.

⁸ ГИМ, ОПИ, ф. 208, оп. 1, д. 31, л. 4.

⁹ Там же, л. 6.

¹⁰ **Серебренников А. Г.** Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания. Ташкент, 1914. Т. 17. С. 7.

¹¹ История русской армии и флота. М., 1913. Вып. 12. С. 108.

¹² **Серебренников А. Г.** Указ. соч. Т. 20. С. 243.

¹³ Там же. Т. 19. С. 49 - 50.

¹⁴ Оперативная почта из Санкт-Петербурга до отряда Черняева доходила за 22 - 25 дней, так как телеграфные сообщения могли принимать и передавать лишь в Оренбурге и Омске, а дальше связь обеспечивали почтовые тракты.

¹⁵ **Серебренников А. Г.** Указ. соч. Т. 18. С. 152.

¹⁶ Там же. Т. 20. С. 24.

¹⁷ Там же. Т. 19. С. 276.

¹⁸ Там же. Т. 20. С. 47.

¹⁹ ГИМ, ОПИ, ф. 208, оп. 1, д. 1, л. 39.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, д. 6, л. 104.

²² **Серебренников А. Г.** Указ. соч. Т. 17. С. 119.

²³ Заменявший Черняева на посту губернатора генерал Д.И. Романовский настолько плохо знал восточные обычаи, что велел везде встречать его по-русски, хлебом и солью. Между тем соль на Востоке традиционно считается символом благодетелей, получаемых народом и войском от правителя, а не наоборот. Пренебрежительное отношение Романовского и его свиты к местным традициям отрицательно сказывалось на авторитете российской власти в Туркестане.

²⁴ **Мирописев М.А.** О положении русских инородцев. СПб., 1901. С. 493 - 494; ГИМ, ОПИ, ф. 208, оп. 1, д. 11, л. 37.

²⁵ ГИМ, ОПИ, ф. 208, оп. 1, д. 1, л. 31.

²⁶ РГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 829, л. 2 - 3.

²⁷ Там же, л. 36.

²⁸ ГИМ, ОПИ, ф. 208, оп. 1, д. 1, л. 33.

²⁹ Русский мир. 1876. 13 мая.

³⁰ ГИМ, ОПИ, ф. 208, оп. 1, д. 42, л. 17.

³¹ Там же, д. 14, л. 81.

³² **Михайлов А.М.** Указ соч. С. 23.

³³ **Черняев М.Г.** Военные наброски. ГИМ, ОПИ, ф. 208, оп. 1, д. 31, л. 72.

¹ Автором установлено, что действительной датой рождения М.Г. Черняева является не 22 октября 1828 г., как указано в Советской исторической энциклопедии (М.: Советская энциклопедия, 1974. Т. 15. С. 874), а 22 октября 1827 г. (см.: Государственный исторический музей (ГИМ), Отдел письменных источников (ОПИ), ф. 208, оп. 1, д. 1, л. 8).

² **Игнатьев Николай Павлович** (1832 - 1908) - граф, генерал от инфантерии (1878), с 1867 по 1877 г. - посол России в Турции, с 1881 по 1882 г. - министр внутренних дел, член Государственного совета.

³ **Михайлов А.М.** М.Г. Черняев. Биографический очерк. СПб., 1906. С. 9.

⁴ **Абаза К.К.** Завоевание Туркестана. Рассказы из военной истории, очерки природы, быта

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

ГЕНЕРАЛ М.Г. ЧЕРНЯЕВ: ЛИЧНОСТЬ НА ФОНЕ ВОЕННОЙ КАМПАНИИ ПО ЗАВОЕВАНИЮ ТУРКЕСТАНА РОССИЕЙ

С.Н. Брежнева

Кафедра отечественной истории и правоведения
Поволжский государственный университет сервиса
ул. Горького, 34, Тольятти, Россия, 445677

Статья посвящена изучению личности генерала М. Г. Черняева, чей полководческий талант и организаторские способности сыграли важную роль в присоединении Туркестана к России. На основе материалов личного архива Черняева исследуется проблема появления подобной личности в сложившихся исторических условиях. Автор приходит к выводу, что заслуги генерала М.Г. Черняева могут быть объяснены не только особенностями его характера, но и спецификой конкретной исторической обстановки.

Ключевые слова: М.Г.Черняев, полководец, Туркестан, завоевание, авантюризм, подвиги, среднеазиатские народы, заслуги, уважение, туркестанский генерал-губернатор.

Историю общества отличает то, что творцами ее являются люди. Давно уже ушла в прошлое марксистская концепция о решающей роли народных масс в истории. От того, какая личность находится в центре событий, во многом зависит ход истории. В процессе размышлений над историческим процессом возникает вопрос о том, каким образом та или иная личность влияет на дальнейшее развитие событий. Однако, в свою очередь, конкретная историческая обстановка формирует тип людей, который характерен для определенного периода. Если размеренная мирная жизнь ведет к появлению людей романтически настроенных, мечтательно, философски относящихся к жизни, то экстраординарные события, напротив, являют миру людей рис-

кованных, амбициозных, способных принять на себя ответственность за судьбы других, а иногда и пренебрегающих ими для пользы дела.

Вторая половина XIX в. изобилует событиями как во внутренней, так и во внешней политике Российского государства. Внешнеполитическое ведомство правления Александра II призвано было решить ряд неотложных задач в интересах государства. В числе глобальных проблем – это и возвращение Черного моря, фактически утраченного в период Крымской войны, и необходимость противостояния основному внешнеполитическому сопернику – Англии.

Собственно, и наступление на Среднюю Азию было вызвано не только необходимостью расширения территории страны и рынков сбыта, но и необходимостью иметь против Англии наступательное оружие. Военные кампании по завоеванию туркестанских территорий пестрят именами людей решительных, амбициозных, способных на крайние меры для достижения цели. Одной из таких характерных для того периода личностей был Михаил Григорьевич Черняев, который принадлежит к славной когорте российских полководцев, принимавших участие в завоевании Туркестана. Это был талантливый военачальник, авантюрист (практически самовольно взявший в 1865 г. Ташкент), с 1882 по 1884 г. – генерал-губернатор Туркестанского края.

Начало биографии Черняева вполне традиционно. Он родился в 1828 г. в дворянской семье, воспитывался в Дворянском полку в Петербурге. В 1851 г. он окончил Академию генерального штаба. В годы Крымской войны был в Севастополе, участвовал в боевых операциях севастопольского гарнизона, начиная с битвы под Инкерманом (24 октября 1854 г.), состоял при генерале С.А. Хрулеве.

По окончании войны Черняев стал начальником штаба третьей пехотной дивизии, а затем был переведен в распоряжение Оренбургского генерал-губернатора А. А. Катенина. С этого времени у М.Г. Черняева начинается период жизни, связанный со Средней Азией. 31 марта 1858 г. он был откомандирован в распоряжение генерал-майора А.Л. Данзаса в форт Перовский (1) и назначен начальником штаба Сырдарьинской пограничной линии. На новом месте службы М.Г. Черняев быстро стал профессионалом степной пограничной войны. С небольшим, но хорошо обученным отрядом казаков он громил кочевые отряды киргизов, отбивал невольников и совершал дерзкие, глубокие рейды в глубь Туркестана.

В июне–июле 1859 г. Черняев принял участие в экспедиции А.И. Бутаква на судах Аральской флотилии к Кунграду, временно отделившемуся от Хивинского ханства. Он возглавил отряд, посланный на помощь жителям Кунграда, выступившим против хивинского хана. В этот период Черняев проявил себя как хороший военный стратег. Им была подготовлена для генерал-майора А.Л. Данзаса инструкция об укреплении расположенного на р. Сырдарье Джулека (2), который был взят в 1861 г., и не исключено, что соображения Черняева сыграли в этом событии не последнюю роль.

К 1859 г. среди высших чинов правительства, членов министерства иностранных дел, высших военных чинов сложилось мнение о необходимости активного наступления на Туркестан. Сторонниками данного курса были Оренбургский генерал-губернатор А.А. Катенин, Западносибирский генерал-губернатор Г.Х. Гасфорд и будущий глава Азиатского департамента МИД Н.П. Игнатьев (друг Черняева по академии). Однако не было согласованности в вопросе о направлении движения. Об этом писал А.Л. Данзас в своей записке «О взглядах разных лиц по вопросу занятия р. Сырдарьи, о русских границах в связи с этим и русской политике» (3).

Как следует из текста, сам А.Л. Данзас был сторонником наступления на ханства Средней Азии со стороны Сырдарьи. Его подчиненный М.Г. Черняев, вероятно, со свойственной ему прямоотой и категоричностью не раз высказывался за преимущества наступления по Амударье. Так проявились первые разногласия между начальником и подчиненным, что сыграло свою роль в дальнейшей судьбе Черняева.

В той же записке А.Л. Данзас обосновывал необходимость наступления на Туркестан и занятия города Ташкента. Кто бы мог подумать тогда, что всего через шесть лет реализовать эту цель удастся его оппоненту М.Г. Черняеву. А до того момента, несмотря на представление очевидных аргументов генерала Катенина в рапорте Александру II о необходимости наступательных действий на Среднюю Азию, решение этого вопроса откладывалось на неопределенное время.

Боясь осложнений с Турцией, Англией и Ираном, Александр II отказался от подобных планов. Кроме того, Россия, отказываясь от наступательной политики, стремилась к смягчению международной обстановки, прежде всего в отношении государств Крымской системы – Англии, Франции и Австрии.

В этих условиях генерал М.Г. Черняев принимает решение покинуть Среднюю Азию. Этому способствовал также его конфликт с А.Л. Данзасом, которого поддержал Оренбургский генерал-губернатор Катенин. Черняев отбыл в декабре 1859 г. на Кавказ в распоряжение командующего войсками левого крыла Кавказской армии генерала Н.И. Евдокимова, под руководством которого Черняев прошел школу контрпартизанской войны против горцев.

Тем временем в Петербурге вызревала идея решительных действий в Средней Азии. После смерти Оренбургского генерал-губернатора А.А. Катенина в 1860 г. эту должность занял А.П. Безак, в распоряжение которого летом 1862 г. и был направлен М.Г. Черняев в качестве начальника штаба Оренбургского корпуса.

В 1863 г. А.П. Безак выдвинул проект о немедленном соединении Сырдарьинской и Сибирской линий. В феврале 1863 г. состоялось заседание особого комитета с участием министров, а также Оренбургского и Западносибирского генерал-губернаторов А.П. Безака и А.О. Дюгамеля, на котором было принято решение о соединении Сырдарьинской и Сибирской линий,

однако финансовое и дипломатическое ведомства отклонили его. Кроме финансовых трудностей, на решения Особого комитета повлияли расхождения во взглядах обоих генерал-губернаторов на задачи и цели политики России в Средней Азии. Безак предлагал занять Ташкент и включить его в состав Российской империи, а Дюгамель считал более целесообразным добиться создания в Ташкентском оазисе самостоятельного ханства под покровительством России.

Тогда инициативу взяло на себя западносибирское и оренбургское командование. Весной 1863 г. полковником Г.А. Колпаковским была произведена рекогносцировка Чуйской долины до крепости Аулие-Ата. В этом же году отрядами полковника Черняева были заняты кокандские укрепления на Сырдарье: Сузак и Чулак-Курган. Занятие данных укреплений произошло вопреки приказу Безака об осторожном проведении рекогносцировки от Джулека до Туркестана. Когда отряд Черняева дошел до Сузака, там вспыхнуло восстание против кокандской власти. Полковник поддержал восставших артиллерией, в результате кокандский гарнизон капитулировал, а население Сузака попросилось в русское подданство. Этому примеру последовало и население Чулак-Кургана. Проведение данной операции, как отмечает Е.А. Глушенко, «стало образцом для проведения операций в Средней Азии: малыми силами и средствами, энергично и решительно, без должного согласования с верхами, не дожидаясь одобрения и подхода резервов...» (4).

Петербургское правительство, поставленное перед фактом, согласилось на соединение Сырдарьинской и Сибирской линий. 26 декабря 1863 г. был подписан царский указ, ознаменовавший переход от разведывательного этапа к тотальному наступлению Российской империи на Туркестан. В 1864 г. военное министерство приступило к выполнению утвержденного императором решения.

Черняев, которого неудержимо влекло в Среднюю Азию, получает новое назначение в Сибирский военный корпус под начало Западносибирского генерал-губернатора А.О. Дюгамеля. Ему был назначен пост начальника особого западносибирского отряда для занятия нескольких укрепленных пунктов в пределах промежуточной территории.

Соединение Сырдарьинской и Сибирской линий предполагалось осуществить силами войск двух корпусов – Оренбургского и Сибирского. Оренбургским корпусом должен был командовать полковник Н.А. Веревкин, Сибирским – полковник М.Г. Черняев. Отправившись в начале 1864 г. в г. Верный, где формировался отряд, Черняев приступил к решению задачи с весьма ограниченными средствами; расходы на экспедицию должны были покрываться остатками интендантских сумм западносибирского округа.

4 июня 1864 г. после двухчасовой осады отряду Черняева сдался г. Аулие-Ата, почти одновременно 12 июня Веревкин завоевал город Туркестан.

За эти запланированные победы оба полковника получили чин генерал-майора. Однако Черняев решил, что для окончательного соединения двух линий необходимо захватить и г. Чимкент. В нескольких переходах от Чимкента находился отряд Веревкина, к которому обратился Черняев с просьбой о поддержке. Однако вместо этого он «получил от Веревкина грубое письмо от 2 июля, в котором тот уведомлял, что отряда не вышлет, потому что нужно строить помещения на зиму и косить сено» (5). Тогда Черняев начинает действовать на свой страх и риск, очевидно, уверенный в поддержке Петербурга и государя, который в личной аудиенции накануне нового назначения Черняева, по-видимому, дал понять, что приветствует инициативу.

Город Чимкент при мощных укреплениях считался неприступной крепостью, но солдаты Черняева, используя фактор внезапности, в сентябре 1864 г. овладели им. За эту боевую операцию Черняев получил знак ордена Св. Георгия 3-й степени, о чем 2 ноября 1864 г. ему в письме сообщил Западносибирский генерал-губернатор А.О. Дюгамель (6).

Таким образом, в ходе кампании 1864 г. Черняев по собственной инициативе присоединил к России территорию Южного Казахстана и часть Узбекистана, но на этом не остановился. Его целью был Ташкент.

1 октября 1864 г. он подошел к городу и, видимо, уверенный в собственных силах, не проведя должной разведки, решился на штурм. Черняеву пришлось еще раз убедиться в силе кокандской артиллерии, так как под Ташкентом его ждала неудача, результатом которой было 16 погибших и 62 раненых (7). Черняев поспешил объявить неудачный штурм рекогносцировкой, однако это не могло обмануть профессионалов. 12 ноября 1864 г. он получил гневное письмо от Западносибирского генерал-губернатора А.О. Дюгамеля, который писал: «В донесении от 25 сентября Вы уведомили меня, что отправляетесь к Ташкенту, но не для того, чтобы взять этот город, а только для производства рекогносцировки... Каким же образом простая рекогносцировка обратилась в штурм города?» (8).

В ответ Черняев высказал свое несогласие с тем, что попытка захвата Ташкента не могла считаться нецелесообразной и, хотя оказалась неудачной, все же «была предпринята не с целью пожатия новых лавров», а для окончательного упрочения России в Зачуйском крае. «Что касается до неудачи и потери, понесенной нами..., – сообщал он в ответном письме, – я безропотно готов подвергнуться всякой ответственности, но перед совестью своею остаюсь совершенно спокойным даже и потому, что участь, постигшая... других, могла точно так же постигнуть и меня самого» (9). Послание заканчивалось просьбой об отставке. За этими строками просматривается личность автора – человека горячего, импульсивного, способного идти до конца к цели.

Однако, несмотря на неудачный поход на Ташкент, в Санкт-Петербурге явно благоволили Черняеву. В начале 1865 г. он назначается генерал-губер-

натором образованной из Зачуйского края и Сырдарьинской линии Туркестанской области. Она находилась в составе Оренбургского края, генерал-губернатором которого с 1865 г. являлся Н.А. Крыжановский.

Несмотря на то, что Черняеву было предписано воздерживаться от дальнейших попыток взять Ташкент, он решил действовать на свой страх и риск. В своих воспоминаниях о взятии Ташкента он пишет: «Зная о сношениях жителей Ташкента с эмиром, я поторопился со штурмом» (10).

Весной 1865 г. он начал подготовку к новому походу на Ташкент. Возможно, он торопился не только из-за активизации действий бухарского эмира, который не отказался от притязаний на Ташкент, с 1808 г. находившийся в составе Кокандского ханства. Дело в том, что новый генерал-губернатор Оренбургского края Н.А. Крыжановский собирался прибыть в Туркестанскую область в августе и до его прибытия просил никаких мер не предпринимать. Однако, как писал М.А. Терентьев, Черняев «не хотел делиться славой», и «на товарищеских советах решено было Крыжановского не ждать» (11).

С войском в две тысячи человек при 12 орудиях Черняев двинулся на Ташкент, который обороняло 30 тыс. сарбазов (солдат). В ночь с 14 на 15 июня 1865 г. Ташкент был взят штурмом. Генерал-майор генерального штаба Д.И. Романовский, преемник Черняева на посту генерал-губернатора Туркестанской области, писал в своей книге: «Не одобряя предположений генерала Черняева относительно занятия Ташкента, правительство, однако, не считало удобным слишком стеснять этого главного распорядителя на месте, на личной ответственности которого была оборона края, в то время совершенно неведомого» (12).

Двойственный характер политики Петербурга в отношении новых территориальных приобретений поистине поразителен: с одной стороны – давались рекомендации воздерживаться от них, а с другой – начальникам отрядов предоставлялась свобода действий. Результаты же их предприимчивости признавались достоянием истории как свершившийся факт, а предприимчивый первопроходец вслед за замечанием получал награду. В этой связи весьма примечательно следующее высказывание М.Г. Черняева, содержащееся в его записке фельдмаршалу князю Баратынскому, датированной 1867 г.: «Замечательный факт в истории распространения нашего владычества в Средней Азии, что все наше движение от Урала и Иртыша до подножия Гималаев и Тянь-Шаня сделано по инициативе местных ведомств при хроническом противодействии центрального правительства» (13).

Вместе с тем заслуги Черняева были оценены Александром II. Он получил поздравительное письмо от императора, датированное 13 ноября 1865 г., со следующими словами: «Михаил Григорьевич! Я следил с горячим вниманием за действиями наших войск в Кокандском ханстве и искренне радовался успехам Вашим» (14). Черняеву была пожалована золотая сабля

с бриллиантами. Взятие города Ташкента генералом Черняевым явилось одним из блестящих побед русской армии.

Черняеву на управляемой им территории удалось расположить к себе местное население. «17-го числа, – пишет он, – ко мне явились аксакалы и изъявили полную готовность подчиниться русскому правительству» (15). В фонде Н.И. Гродекова (Ф.307 ГИМ ОПИ) находится копия договора, заключенного Черняевым с ташкентскими жителями после взятия Ташкента. В нем, в частности, говорится: «1282 году месяца Сафара 6 дня пятница. Губернатор Черняев из сожаления освобождает жителей, и ничего брать не будет, а в следующий год Великий Белый Царь окажет надлежащую милость по своему благоусмотрению» (16).

Повидавшая множество свирепых завоевателей Средняя Азия встретила в лице Черняева не только храброго воина (что всегда ценилось на Востоке), но и разумного, справедливого правителя, уважавшего мусульманские обычаи. Войска Черняева не обижали мирных жителей и не посягали на их имущество. Черняев отменил на завоеванных территориях рабство, аннулировал большинство налогов; в свою очередь, чиновники из числа местных жителей начали получать жалованье из казны (до этого они жили за счет подношений просителей). Неудивительно поэтому, что уже в скором времени Черняев с горсткой солдат за сотни верст от ближайших русских гарнизонов мог быть совершенно спокоен за свою власть в Ташкенте. Жители Средней Азии уважительно прозвали Черняева «ташкентским львом», подчеркивая силу, храбрость и величавость победителя. Газетчики именовали Черняева «Ермаком XIX века», и это прозвище сопровождало его долгие годы.

Однако после взятия Ташкента нужно было решать, что с ним делать дальше. В российском МИДе полагали, что наиболее подходящим вариантом будет объявление независимости Ташкента. Это, по мнению российских политиков, должно было успокоить и эмира, считавшего Ташкент территорией своих владений, и Великобританию, опасавшуюся дальнейшего продвижения России к Индии. Часть высшего офицерского состава в Туркестане, в том числе и Черняев, считала необходимым при такой независимости присутствие русской армии в Ташкенте либо вблизи него. С этим категорически не был согласен канцлер А.М. Горчаков, который опасался, что присутствие русских войск даст Англии лишний повод усомниться в намерениях России.

Со временем, обдумывая дальнейшую судьбу Ташкента, Черняев пришел к выводу о необходимости включения этого города в состав Российской империи, что было доведено им до сведения Оренбургского генерал-губернатора Н.А. Крыжановского. Естественно, что положительной реакции со стороны последнего это не вызвало. Крыжановский еще хорошо помнил обиду, нанесенную ему Черняевым при взятии Ташкента, когда тот не дождался приезда Оренбургского генерал-губернатора и самовольно взял город. Отношения двух генералов обострились.

Крыжановский поспешил объявить Ташкент независимым и представил свои соображения в Оренбурге, Романовский выступал докладчиком. В результате решено было вызвать в Петербург и Крыжановского, и Черняева (17). В конфиденциальном отзыве Военного министра к командующему войсками Оренбургского военного округа от 8 февраля 1866 г. говорится о том, что император Александр II, «найдя приводимые генерал-майором Черняевым доводы и объяснения неудовлетворительными и неполными, высочайше соизволил вызвать его в Петербург для личного доклада» (18). Еще раньше (24 января 1866 г.) Д. А. Милютин писал Н.А. Крыжановскому о возможной отставке Черняева и замене его Веревкиным. Но, учитывая самолюбие Черняева и его заслуги перед краем, он считал, что следует добиться, чтобы генерал сам ушел в отставку. «Мне известно, – писал Д.А. Милютин, – что он имеет намерение жениться, и невеста его в настоящее время находится в Петербурге. Весьма вероятно, что, прибыв сюда, он сам не признает удобным в своем новом положении возвратиться в Туркестанскую область» (19).

Однако Крыжановский, направляя 22 февраля 1866 г. Черняеву секретное предписание о немедленной явке в Петербург для разъяснений, пишет: «Предлагаю Вам с получения сего немедленно сдать на законном основании генерал-майору Романовскому как гражданское управление Туркестанской областью, так равно и командование войсками, в оной расположенными» (20). Для подобного распоряжения должен был быть весомый повод, и Крыжановский 1 марта 1866 г. пишет рапорт Военному министру о финансовых нарушениях Черняева в Средней Азии (21). Копия рапорта сопровождается пометками на полях, сделанными самим генералом Черняевым: «Вздор!», «Какая чепуха!» и т.п.

В конце концов официальный Петербург принял решение отозвать своевольного героя из Туркестана. Начатое Черняевым покорение Средней Азии было продолжено генералами Романовским, Кауфманом и Скобелевым, но сам Черняев был отстранен от всяких дел. 38-летний генерал, непрерывно воевавший 13 лет, был без всяких оснований выброшен из рядов армии, несмотря на свои победы и присоединение к России земель, превышающих по территории Францию, Германию и Италию вместе взятые.

27 августа 1866 г., после отставки Черняева, было принято решение о включении Ташкента в состав Российской империи (22). Как показали дальнейшие события, чувство страха было отнюдь не единственным фактором, вызывающим уважение к Черняеву со стороны местного населения. А.П. Хорошкин писал, что «он умел привязать к себе этих дикарей, и они звали и зовут его батыром» (23). Жители Ташкента преподнесли Черняеву в дар щит (24). Опальный генерал получал письма от граждан Ташкента, где они выражали надежду на его скорое возвращение (25). Так, в письме генералу Черняеву от 17 сентября 1866 г. говорилось: «Жители Чимкента и Ташкента молят Господа Бога, чтобы Его Величество Государь Император соблагово-

лил прислать Вас к нам снова» (26). Они и в самом деле неоднократно обращались к Александру II с жалобами на Романовского и просили вернуть Черняева (27).

Конечно, решение не было отменено, но Черняев вошел в состав 13 членов комиссии, возглавляемой Д. А. Милютиным, которая зимой 1867 г. приняла решение о создании независимого от Оренбурга Туркестанского генерал-губернаторства. Однако генерал-губернатором Туркестанского края был назначен другой человек – К.П. фон Кауфман.

Тем временем оказавшийся в Санкт-Петербурге М.Г. Черняев открыл в себе талант публициста, приобретя в 1873 г. совместно со своим давним знакомым по Кавказу генералом в отставке Р.А. Фадеевым консервативный орган «Русский Мирь». В этот период он сблизился со славянофилами. Но для такой неудержимой натуры, как Черняев, бездействие означало смерть. Когда в Боснии в 1875 г. началось восстание местных сербов против турецкого ига, Черняев, несмотря на запрет МИДа выдать ему загранпаспорт, нелегально прибыл в Сербию, где возглавил сербскую армию. Однако ввиду малочисленности армии, ее плохого вооружения и отсутствия дисциплины события развивались не в пользу русского генерала. В ожесточенном бою у Джуниса 17 октября 1875 г. Черняев потерпел единственное в своей военной карьере поражение.

Эта война была проиграна, и она стала роковой для репутации русского генерала, которого не только Петербург, но и официальный Белград предпочли объявить виновником поражения. М.Г. Черняев покинул Сербию и поселился в Кишиневе. В русско-турецкой войне 1877–1878 гг. о нем совершенно забыли. На фоне М.И. Драгомирова, Н.Г. Столетова, И.В. Гурко, М.Д. Скобелева он, действительно, выглядел неудачником.

Но в 1882 г. судьба вновь подарила ему шанс, и это было связано опять со Средней Азией. После смерти первого генерал-губернатора Туркестанского края К.П. фон Кауфмана Черняев был назначен Александром III на эту почетную должность. Это был знак высочайшего доверия, означавший полную реабилитацию. Ради этого случая Черняев был произведен в генерал-лейтенанты.

Однако, как показала жизнь, храбрый воин, он не был предназначен для чиновной должности. За два года работы на посту генерал-губернатора он не обнаружил таланта администратора, не сумел проявить умения в выборе сотрудников и доверенных лиц. Фактически в годы его правления была уничтожена библиотека, собранная при Кауфмане. Вслед за библиотекой были закрыты школа шелководства, хлопковая ферма, химическая лаборатория, служба технического надзора за ирригацией, питомник растений и другие подобные учреждения. Черняев словно мстил за свою многолетнюю разлуку с Туркестаном. Под влиянием неудачных советников Черняев сосредоточил в своем лице высшую апелляционную и кассационную инстанцию по всем судебным делам края, а на запросы Сената отвечал уклончиво, в пренебре-

жительном тоне. В конце концов благоволивший к нему вначале император Александр III вынужден был принять решение об его отставке. В январе 1884 г. М.Г. Черняев был отстранен от занимаемой должности. После этого он еще являлся некоторое время членом Военного совета. В 1898 г. генерал М.Г. Черняев скончался в своем родовом имении Тубышки Могилевского уезда.

Как показал исследуемый материал, среднеазиатский период в жизни М.Г. Черняева был, с одной стороны, самым удачным, но в то же время тяжелым и даже трагичным. Ключевский когда-то написал о патриархе Николе: «Это словно парус, который только в буре бывает самим собой, а в затишье треплется на мачте бесполезной тряпкой» (28).

Слова великого историка вполне применимы к безоглядной натуре Черняева. Личность, оказавшаяся в нужном месте в нужное время, превращается в Героя, но эта же личность становится малоценной в условиях мирной жизни. Автор статьи о Черняеве в «Словаре Брокгауза и Ефрона» Л. Слонимский писал: «Нет сомнения, что внезапная приостановка его служебной карьеры после блестящего завоевания Туркестанского края многое объясняет в дальнейших увлечениях – он был выбит из колеи именно в тот момент, когда принес большую услугу государству» (29). С этим мнением нельзя не согласиться. Однажды прославившись, человеку трудно бывает соответствовать созданному образу Героя всю жизнь.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Государственный исторический музей. Отдел письменных источников (далее – ГИМ ОПИ). – Ф. 208. – Д. 4. – Л. 1.
- (2) Там же. – Л. 43–46.
- (3) Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). – Ф. 67. – Оп. 1. – Д. 119. – Л. 5–8.
- (4) См.: *Глуценко Е.А.* Герои империи. Портреты российских колониальных деятелей. – М., 2001. – С. 367.
- (5) *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. 1. – СПб., 1906. – С. 283.
- (6) ГИМ ОПИ. – Ф. 208. – Д. 6. – Л. 25–26.
- (7) По другим данным 18 убитых, 60 раненых.
- (8) ГИМ ОПИ. – Ф. 208. – Д. 6. – Л. 27–28 об.
- (9) Там же. – Л. 30.
- (10) ГИМ ОПИ. – Ф. 208. – Д. 31. – Л. 9.
- (11) *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. 1. – СПб., 1906. – С. 85.
- (12) *Романовский Д.И.* Заметки по среднеазиатскому вопросу. – СПб., 1868. – С. 32.
- (13) ГИМ ОПИ. – Ф. 208. – Д. 31. – Л. 8.
- (14) Там же. – Д. 2. – Л. 3.
- (15) Там же. – Д. 31. – Л. 11.
- (16) ГИМ ОПИ. – Ф. 307. – Д. 42. – Л. 2 об.
- (17) *Романовский Д.И.* Указ. соч. – С. 36.
- (18) ГИМ ОПИ. – Ф. 208. – Д. 6. – Л. 63–63 об.

- (19) Там же. Л. 60 об.
- (20) Там же. Л. 64 об.
- (21) Там же. Л. 89–93.
- (22) РГВИА. – Ф. 400. – Д. 19. – Л. 54–55.
- (23) Хорошихин А.П. Сборник статей, касающихся Туркестанского края. – СПб., 1876. – С. 24.
- (24) ГИМ ОПИ. – Ф. 208. – Д. 6. – Л. 96.
- (25) Там же. – Л. 99–100
- (26) Там же. – Л. 101.
- (27) Там же. – Л. 103–109.
- (28) Там же.
- (29) Словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 38. – СПб., 1899. – С. 695.

REFERENCES

- (1) The State Historical Museum. Department of written sources (GIM OPI), f. 208, ed. khr. 4, l. 1.
- (2) Ibid., ll. 43–46.
- (3) Russian State Military Historical Archive (RGVIA), f. 67, op. 1, d. 119, ll. 5–8.
- (4) See.: Glushchenko E.A. *Geroi impenii. Portrety rossiyskikh kolonial'nykh deyateley*. [Heroes of the empire. Portraits of the Russian colonial figures]. Moscow, 2001, p. 367.
- (5) Terentyev M. A. *Istoriya zavoevaniya Sredney Azii* [History of Central Asia' conquest], St-Petersburg, 1906, vol. 1, p. 283.
- (6) GIM OPI, f. 208, d. 6, ll. 25–26.
- (7) According to other reports 18 killed, 60 injured
- (8) GIM OPI, f. 208, ed. khr. 6, ll. 27–28 turn.
- (9) Ibid., l. 30.
- (10) Ibid., ll. 31–32.
- (11) GIM OPI, f. 208, d. 31, l. 9.
- (12) Terentyev M. A. *Istoriya zavoevaniya Sredney Azii* [History of Central Asia' conquest], p. 85.
- (13) Romanovsky D.I. *Zametki po sredneaziatskomu voprosu* [Zametki on the Central Asian question]. St-Petersburg, 1868, p. 32.
- (14) GIM OPI, f. 208, ed. khr. 31, l. 8.
- (15) Ibid., d. 2, l. 3.
- (16) Ibid., d. 31, l. 11.
- (17) GIM OPI, f. 307, d. 42, l. 2 turn.
- (18) Romanovsky D.I. Romanovsky D.I. *Zametki po sredneaziatskomu voprosu* [Zametki on the Central Asian question], p. 36.
- (19) GIM OPI, f. 208, d. 6, ll. 63–63 turn.
- (20) Ibid., l. 60 turn.
- (21) Ibid., l. 64 turn.
- (22) Ibid., ll. 89–93.
- (23) RGVIA, f. 400, d. 19, ll. 54–55.
- (24) Horoshkhin A.P. *Sbornik statey, kasayushchikhsya Turkestanskogo kraya* [Collection of articles relating to Turkestan]. St-Petersburg, 1876, p. 24.
- (25) GIM OPI, f. 208, d. 6, l. 96.
- (26) Ibid., ll. 99–100.

(27) Ibid., l. 101.

(28) Ibid., ll. 103–109.

(29) Ibid.

(30) *Slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona* [Dictionary of F.A. Brockhaus and I.A. Efron]. St-Petersburg, 1899, vol. 38, p. 695.

**GENERAL M.G. CHERNYAEV:
PERSONALITY AGAINST THE BACKGROUND OF MILITARY CAMPAIGN
ON RUSSIA'S CONQUEST OF TURKESTAN**

S.N. Brezhneva

Department of History of Russia and Law
Volga Region State University of Service
Gorkogo Str., 34, Togliatti, Russia, 445677

This article is devoted to General M. G. Chernyaev, whose leadership talent and organizing skills played an important role in annexation of Turkestan to Russia. The problem of such a personality appearance in certain conditions is considered on the basis of Chernyaev's personal files. The author comes to the conclusion that Chernyaev's merits can be explained not only by character features, but also by specificity of a certain historical setting.

Key words: M.G. Chernyaev, commander, Turkestan, conquest, adventurism, feats, Central Asian nations, merits, respect, Turkestan governor general.